

Информация для цитирования:

Краснова Т. В., Алексеева Е. В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 426–439. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-426-439.

Krasnova T. V., Alekseeva E. V. *Ottsy I deti: problem priobreteniya roditel'skikh prav muzhchinami (na primere zakonodatel'stva Rossii)* [Fathers and Sons: Problems of Acquiring Parental Rights by Men (a Case Study of the Russian Legislation)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 34. Pp. 426–439. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-426-439.

УДК 347.634.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-426-439

ОТЦЫ И ДЕТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ МУЖЧИНАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ)**Т. В. Краснова**

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса

Тюменский государственный университет

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

ORCID: 0000-0002-3375-7443

ResearcherID: S-5442-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-60-67

e-mail: krasnova-tv@yandex.ru

Е. В. Алексеева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права

Тюменский государственный университет

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

ORCID: 0000-0002-4414-1409

ResearcherID: O-3326-2016

e-mail: alekseyevaev@inbox.ru

Введение: в статье анализируются значение и особенности приобретения родительских прав мужчинами. Исследование этих вопросов не только формирует научную основу совершенствования семейного законодательства, но и показывает возможности «диалога поколений» через закрепление семейных ценностей в правовой норме. **Цель:** выработать научно обоснованные рекомендации и предложения, имеющие значение для развития семейного законодательства России и зарубежных стран. **Методы:** общенаучные методы: анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация. Частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** существующие правовые положения об установлении происхождения ребенка от отца характеризуются наличием множества проблем научного и практического характера. Это приводит к нарушению интересов детей и родительских прав отцов. Получают распространение случаи фиктивного признания отцовства для получения разрешения на временное пребывание в России. Выявляются новые аспекты проблемы уклонения от установления отцовства. Развитие современных технологий в сфере репродукции человека образует особую область правового вакуума в вопросах установления происхождения детей от отца. **Выводы:** правообразующее значение государственного удостоверения отцовства в России должно быть переосмыслено. Фактом, влекущим возникновение родительского правоотношения, должно быть признано рождение ребенка. Нуждаются в изменении нормы об установлении отцовства в отношении внебрачных детей. Следует усилить ответственность биологического отца и обеспечить защиту его интересов.

При этом необходимо исключить возможность добровольного признания отцовства лицами, уклоняющимися от процедуры усыновления. Требуется введение в правовое поле процедуры признания недействительным акта фиктивного установления отцовства с компенсацией морального вреда ребенку. Предложенные изменения направлены на укрепление социальной роли отца и преодоление кризиса семьи.

Ключевые слова: родительские права; родительские обязанности; родительское правоотношение; права детей; защита детей; установление отцовства; презумпция отцовства; регистрация рождения; семейное законодательство; семья

FATHERS AND SONS: PROBLEMS OF ACQUIRING PARENTAL RIGHTS BY MEN (A CASE STUDY OF THE RUSSIAN LEGISLATION)

T. V. Krasnova

Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625000, Russia

ORCID: 0000-0002-3375-7443

ResearcherID: S-5442-2016

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-60-67

e-mail: krasnova-tv@yandex.ru

E. V. Alekseeva

Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625000, Russia

ORCID: 0000-0002-4414-1409

ResearcherID: O-3326-2016

e-mail: alekseyevaev@inbox.ru

Introduction: in the article, the importance and specific features of acquiring parental rights by men are analyzed. The study of these issues does not only form scientific fundamentals to improve family law legislation but also shows potentialities of the “dialogue of generations” through the fixation of family values in a legal norm. **Purpose:** to develop well-grounded scientific recommendations and proposals essential for the improvement of family law in Russia and foreign countries. **Methods:** methodological framework of the research is based on a set of general scientific methods (analysis and synthesis, abstraction and concretization) and specific scientific methods (juridical dogmatic method, method of the legal norm interpretation). **Results:** the existing legal regulations on proving a child’s descent from his/her farther imply many problems of scientific and applied nature. This results in infringing children’s interests and fathers’ parental rights. Cases of fictitious paternity establishment, for receiving a temporary residence permit in Russia, are getting widespread. New aspects of disputing paternity are revealed. The development of modern technologies in the reproductive sphere creates legal vacuum in the issues of establishing a child’s descent from a father. **Conclusions:** the legislative importance of a state registration of paternity should be reconsidered. A child’s birth should be accepted as a fact leading to the start of parental legal relations. Norms covering the issues of establishing the paternity of a person who is not married to a child’s mother should be changed. The liability of a biological father should be strengthened and his interests should be protected. The possibility of voluntary recognition of paternity by people who evade the procedure of adoption should be excluded. It is necessary to amend the legal field with a procedure of declaring an act of fictitious paternity establishment to be invalid, with the compensation for moral damage to a child. The changes proposed are aimed at strengthening the social role of the father and overcoming the family crisis.

Keywords: parental rights; parental duties; parental legal relation; rights of children; child protection; establishment of paternity; presumption of paternity; registration of birth; family law legislation; family

Введение

Благодаря достижениям мировой литературы каждый современный человек имеет возможность осмыслить различные грани взаимоотношений между поколениями. Одним из наиболее актуальных для обсуждения аспектов является социальное значение отцовства. Чаще всего категория отцовства исследуется в контексте сохранения духовных традиций, что волнует любое общество, независимо от уровня его экономического благополучия. Существуют историко-философские исследования, показывающие, что в свое время победа римлян над греками была «едва ли не напрямую связана с их культом отцовства» [4, с. 7]. Что касается правовых аспектов отношений отцов и детей, то они представляют собой не менее важную составляющую диалога поколений. Но им, с нашей точки зрения, уделяется недостаточно внимания. Научные публикации обычно посвящены проблемам осуществления родительских прав отца и матери в связи с расторжением брака и определением места жительства ребенка. В этом контексте исследуются условия реализации принципа равенства родителей. Без внимания ученых остается область отношений, где неравенство родителей особенно выражено и предопределено физиологическими особенностями. Речь идет о вопросах установления происхождения детей от родителей. Происхождение ребенка от матери в большинстве случаев очевидно. Трудности возникают при установлении отцовства, что порождает правовые проблемы и коллизии. В семейном законодательстве России в определенный исторический период (1918–1926 гг.) даже допускалась возможность существования нескольких отцов одновременно. Это положение было закреплено в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. В ст. 144 названного документа было указано: «Если суд при рассмотрении вопроса установит, что лицо, указанное в заявлении матери ребенка в качестве отца этого ребенка, в момент зачатия хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех их обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка»¹.

Мы считаем, что особенности приобретения родительских прав мужчин должны быть адек-

ватно оценены исследователями для совершенствования их современной правовой регламентации. Ведь именно эти аспекты являются основополагающими для родительского правоотношения, юридически обеспечивают равную ответственность родителей за ребенка.

История развития российского семейного законодательства ярко демонстрирует значение правовых вопросов установления отцовства, их влияние на формирование образа отца в восприятии общества и взаимосвязь с современным кризисом института семьи. Так, социологи и философы констатируют ослабление социальной роли отца в современной России. В отношении отцов учеными используется характеристика «родительская некомпетентность» [2, с. 15]. Правоведы призывают защищать интересы отцов и содействовать юридическими методами укреплению семейного положения отца [1]. В современной лексике дифференцировалось значение понятия «биологический отец» с негативным эмоциональным оттенком в адрес мужчин, пренебрегающих своей функцией воспитателя и защитника. Сложившаяся ситуация вызывает особое недоумение у людей, знакомых с историческим прошлым патриархальной России, где традиционно сильной была отцовская власть в семье. Мы находим объяснение сложившейся ситуации в нормах советского семейного законодательства. В частности, в указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (далее – Указ)². Этот Указ запрещал установление отцовства в отношении внебрачных детей. Тем самым он фактически отстранял отцов от воспитания и содержания своих детей. Известные советские ученые, исследующие проблемы семейных отношений, уже тогда предупреждали, что это правило формирует безответственность родителей за судьбу своего ребенка. Среди таких ученых можно назвать А. И. Пергамента. Она утверждала, что в Указе имеют место противоречия между правом и моралью, что он «не способен содействовать укреплению семьи и воспитанию должных моральных качеств человека, необходимого отношения к выполнению своих семейных обязанностей» [6, с. 72]. Однако «пустые метрики» –

¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // Собр. узаконений РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818. (Утратил силу).

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1944. № 37. (Утратил силу).

когда в графе «отец» у внебрачного ребенка ставился прочерк – существовали в России до 1969 г. Таким образом, более двадцати лет формировался тип отцовства, при котором отец не имеет ответственности за своего ребенка. Этот исторический опыт является тем ключом из прожитых веков, с которым следует подходить к будущему российского семейного права и который может быть полезен при разработке юридических норм других государств.

В действующем семейном законодательстве России велика роль государственного удостоверения отцовства путем регистрации отцовства в исполнительных органах государственной власти субъекта Российской Федерации – органах записи актов гражданского состояния (далее – органах ЗАГС). По сути регистрация отцовства сводится к внесению сведений об отце в актовую запись о рождении ребенка. В соответствии со ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹ она является обязательным условием возникновения семейного правоотношения между отцом и ребенком. Полагаем, что существующий порядок приобретения родительских прав мужчинами нуждается в пересмотре. С одной стороны, без регистрации гражданина в качестве отца его родительские права не возникают и никто не может принудить его к исполнению родительских обязанностей (что представляется спорным с правовых и нравственных позиций). С другой стороны, существующий порядок удостоверения происхождения ребенка от отца допускает регистрацию в качестве отца ребенка человека, который фактически им не является. С этим связан целый ряд проблем в правоприменительной практике: от классических проблем оспаривания записи об отце до проблем, ранее неизвестных правоприменительной практике, например, фиктивное признание отцовства для получения разрешения на временное пребывание в стране мигрантами для «воссоединения семьи».

Социальные процессы, развитие науки и медицинских технологий приводят к появлению новейших аспектов проблематики установления происхождения детей от отца. В частности, в отношениях, связанных с применением вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), в том числе постмортальной репродукции. В силу физиологических особенностей постмортальное получение гамет возможно только у мужчин (как уточняется специалистами, у женщин может быть получена лишь ова-

риальная ткань, из которой в дальнейшем может быть культивирован ооцит [9, с. 33]). Связанные с этим вопросы установления отцовства и этические вопросы еще не решены в мировой науке и не получили широкого обсуждения среди отечественных ученых.

В первую очередь, негативные последствия указанных правовых коллизий отражаются на интересах детей, отцов и матерей. Также они влияют на интересы всех членов семьи, ведь родительское правоотношение можно изолировать только теоретически, а в реальной жизни все отношения взаимосвязаны. В конечном счете, можно говорить о правовом дисбалансе в данной сфере всего общества, строящегося на основе дестабилизированных и противоречивых правовых условий существования семьи.

С учетом изложенного целью настоящей статьи является анализ проблем правового регулирования отношений, связанных с установлением юридической связи ребенка с отцом, значимых для совершенствования законодательства России и зарубежных стран.

Значение и основания государственного удостоверения отцовства

Согласно действующему семейному законодательству России правовое отношение между родителем и ребенком возникает с момента государственной регистрации рождения ребенка и удостоверения сведений о матери и отце. Очевидно, что между моментом рождения ребенка и моментом его регистрации может пройти существенный промежуток времени. Законодательство устанавливает один месяц, в течение которого должно быть заявлено о рождении ребенка (п. 6 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния») (далее – Закон об актах гражданского состояния)². Кроме того, в ст. 21 Закона об актах гражданского состояния предусмотрена возможность регистрации рождения ребенка, достигшего возраста 1 года и более (до достижения ребенком восемнадцати лет, затем он может зарегистрировать свое рождение самостоятельно). Каких-либо юридических последствий (за исключением несущественных процедурных изменений) за пропуск родителями установленного для регистрации рождения ребенка срока не предусмотрено. Следовательно, весь этот период времени между родителями и ребенком не существует правового отношения. Более того, без государственной регистрации рождения самого ребенка как субъекта пра-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

² Об актах гражданского состояния: Федер. закон от 15 нояб. 1997 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47, ст. 5340.

ва не существует. Несмотря на признание в России того факта, что права и свободы принадлежат человеку от рождения, без государственной регистрации рождения данного человека его интересы не будут подлежать правовой защите. Таким образом, мы считаем, что в российском законодательстве сложилась ситуация, в которой «хвост виляет собакой», – государственной регистрации рождения, по своей сути имеющей второстепенный характер, придается значение правообразующего факта. По этой причине в научной литературе существуют предложения определить в законе момент возникновения родительских прав и обязанностей. Этим моментом предлагается считать установление факта беременности женщины. По мнению А. К. Поляниной, «ребенок, находящийся в периоде эмбрионального развития, уже может быть наделен правом на заботу со стороны родителей, обеспечение его интересов и всестороннее развитие. Родители при этом несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, в том числе и находящихся в утробе матери» [7, с. 10]. В соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка «неотъемлемым правом несовершеннолетнего является право на выживание и здоровое развитие ребенка» (ст. 6)¹. Как пишет А. М. Рабец, «выживание и здоровое развитие ребенка должно обеспечиваться уже во внутриутробный период» [8]. Однако существующие различия в культуре многонационального российского общества не позволяют сложиться единому мнению о принципиальной возможности, а также периоде эмбрионального развития ребенка для признания за ним самостоятельного правового статуса. Различия между государствами в правовых системах, в законодательстве об искусственном прерывании беременности (абортах) являются препятствием для международного признания ребенка субъектом прав до его рождения. В итоге возможность установления гарантий на защиту жизни с момента зачатия остается предметом дискуссий [14, р. 133–136], а юридическим фактом возникновения прав ребенка признано его рождение. Важно, что, в соответствии со ст. 7 Конвенции ООН о правах ребенка рождение ребенка должно быть зарегистрировано сразу же после его фактического рождения. Согласно указанной норме ребенок с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу. Необходимо от-

метить, что задолго до появления Конвенции ООН о правах такая же позиция была обоснована российскими учеными [6, с. 67], но не нашла отражения в законодательстве и практике его применения.

Таким образом, предусмотренный в п. 6 ст. 16 Закона об актах гражданского состояния порядок не согласуется с нормами международного права. Мы считаем необходимым переосмыслить значение государственной регистрации рождения ребенка. Ее необходимо воспринимать как обязанность родителей, возникшую в связи с рождением ребенка. Нормы семейного законодательства об основаниях возникновения родительского правоотношения должны быть обновлены. В этом отношении заслуживает внимания опыт Татарстана: пункты регистрации рождений в этой республике организованы в некоторых родильных домах. Такие преобразования позволят укрепить правовую защиту интересов ребенка в России; исключат ситуации правовой неопределенности, в которой родители, не обратившиеся с заявлением в орган ЗАГС о рождении ребенка, юридически свободны от родительских обязанностей; позволят гарантировать правовую защиту интересов родителей, которые не обратились в орган загса с заявлением о рождении ребенка по уважительным причинам. К тому же они послужат основой законодательных изменений, предложенных в настоящей статье, для усиления ответственности отцов внебрачных детей и обеспечения равенства родителей. Соблюдение указанного принципа по действующему семейному законодательству можно поставить под сомнение уже потому, что права матери и отца во многих случаях возникают не одновременно.

Действительно, основания и момент приобретения матерью родительских прав не изменяются в зависимости от ее семейного статуса. Порядок государственного удостоверения отцовства зависит от того, состоит ли отец в браке с матерью ребенка. Важно то, что этим обстоятельством будет определен момент возникновения родительских прав отца. Родительские права матери и отца могут быть приобретены одновременно в момент регистрации рождения ребенка, если сведения об отце удостоверяются на основании свидетельства о браке с матерью ребенка (презумпция отцовства).

Классическая презумпция, в силу которой отцом ребенка предполагается муж матери этого ребенка, действует в законодательстве большинства государств. Действие этой презумпции в России распространяется на случаи рождения ребенка до истечения 300 дней после расторжения брака, или признания брака недействитель-

¹ О правах ребенка: Конвенция ООН 1989 г. // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 45, ст. 955.

ным, или его прекращения вследствие смерти супруга матери ребенка (п. 2 ст. 48 СК РФ). Как правило, в научной литературе презумпция отцовства характеризуется положительно. Отмечается ее роль в упрощении процедуры регистрации рождения ребенка и в защите его интересов. Однако существуют научные позиции, осуждающие применение презумпции отцовства. В основном они продиктованы целью защиты интересов супруга матери, не являющегося «биологическим» отцом ее ребенка, например, когда ребенок заведомо зачат в результате измены либо при фактическом раздельном проживании лиц, брак которых не прекращен официально. Для обозначения подобных казусов, требующих опровержения презумпции в судебных процедурах, предлагается использовать термин «вынужденное юридическое отцовство» [18, р. 90].

Н. А. Матвеева с учетом таких ситуаций предлагает законодательно закрепить предоставление российским гражданам более простого варианта решения подобных вопросов, чем существующая в СК РФ возможность судебного оспаривания отцовства. Как, например, это сделано в ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. В ней указано, что «происхождение ребенка от отца, не состоящего в браке с матерью ребенка, если мать ребенка состоит в браке с другим лицом, устанавливается на основании совместного заявления отца и матери ребенка о регистрации установления отцовства, заявления матери, подтверждающего, что ее муж не является отцом ребенка и заявления мужа матери ребенка, подтверждающего, что он не является отцом ребенка, поданных в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, или решения суда об установлении отцовства» [5, с. 41].

Родительские права лиц, не состоящих в браке между собой, также могут возникнуть одновременно, но только при условии подачи совместного заявления одновременно с регистрацией рождения ребенка. В ином случае при регистрации рождения ребенка мать приобретает правовой статус родителя, а отец – нет. Сведения об отце могут быть внесены по указанию одинокой матери, но это не порождает правовых отношений с указанным человеком (п. 3 ст. 17 ст. Закона об актах гражданского состояния). Тем самым происходит фактическое освобождение мужчины от родительских обязанностей. По желанию матери сведения об отце могут вообще не регистрироваться. При этом, по данным государственной статистики в Российской Федерации, наблюдается рост рождений детей вне брака. Ежегодно каждый третий ребе-

нок, а с 2010 г. каждый четвертый ребенок рождается вне брака¹.

После регистрации рождения ребенка отцовство может быть установлено в любое время, даже после наступления совершеннолетия ребенка при условии его согласия (п. 4 ст. 48 СК РФ). Добровольное признание отцовства производится по совместному заявлению с матерью ребенка в орган ЗАГС; если мать ребенка умерла, лишена гражданской дееспособности или родительских прав, а также в случае отсутствия возможности установить ее местонахождение, то по заявлению отца ребенка при условии получения согласия органов опеки и попечительства, а при отсутствии указанного согласия – по решению суда (ч. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ).

В случае отсутствия согласия матери на установление отцовства или воли самого биологического отца ребенка его родительские обязанности могут быть установлены в судебном порядке (ст. 48 СК РФ). По всей видимости, это единственная возможность и для лиц, желающих установить свое отцовство, но признанных судом недееспособными (право опекуна обратиться с заявлением в орган загса вместо недееспособного вызывает сомнения в силу личного характера родительского правоотношения). Также в судебном порядке можно установить отцовство умершего гражданина, если доказать, что при жизни он признавал себя отцом ребенка. В этом случае значение государственного удостоверения отцовства сводится к установлению наследственных связей. Заметим, что в теории семейного права целесообразность судебного установления отцовства помимо воли биологического отца подвергается сомнению в связи с невозможностью принудить человека к воспитанию, общению со своим ребенком. Для защиты имущественных интересов ребенка в таких случаях учеными предлагается законодательное закрепление возможности взыскания алиментов с биологического отца без приобретения им родительских прав [3, с. 23].

Немаловажным аспектом установления отцовства является присвоение отчества ребенку. В соответствии с общим требованием ст. 58 СК РФ и п. 4 ст. 18 Закона об актах гражданского состояния отчество ребенку присваивается по имени отца. Отчество должно происходить от имени отца и в тех случаях, когда отцовство не было установлено, а сведения об отце были внесены в актовую запись по указанию матери. От-

¹ Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): часть 1 / сост. Е. Б. Мизулина. URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html> (дата обращения: 06.10.2016).

чество может быть записано по указанию матери в единственном случае – если по желанию одинокой матери сведения об отце ребенка вообще не вносятся в запись о рождении. Подчеркнем, что отказаться от присвоения отчества ребенку, по общему правилу, недопустимо. Согласно ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ отчество является необходимым элементом имени, которое в России складывается из собственно имени, отчества и фамилии. Тем самым отказ от присвоения ребенку отчества будет истолкован как нарушение права ребенка на имя. В качестве примера можно привести судебное решение по спору между органом ЗАГС г. Москвы и родителями, которые не хотели присваивать отчество своему ребенку, а в качестве имени просили указать аббревиатуру «БОЧ рВФ 260602» (по смыслу это означает: «биологический объект человек рода Ворониных-Фроловых, 26 июня 2002 года рождения»). В решении суда был отмечен факт нарушения права ребенка на имя в понимании ст. 19 ГК РФ². По данным средств массовой информации рождение этого ребенка не зарегистрировано до сих пор, так как родители продолжают отстаивать свое намерение назвать ребенка выбранным способом. Исключением из общего правила о присвоении отчества может быть национальный обычай или положения закона субъекта Российской Федерации, закрепляющего соответствующий обычай. По этим основаниям отчество может отсутствовать или образовываться путем присоединения к имени отца определенных слов. Например, в соответствии с п. 3 ст. 49 Семейного кодекса Республики Татарстан к имени отца ребенка мужского пола присоединяют слово «улы», а ребенку женского пола – «кызы»³.

Итак, государственное удостоверение отчества, по действующему законодательству Российской Федерации, является обязательным условием приобретения родительских прав и обязанностей отца, определяет порядок реализации права ребенка на имя. Мы считаем, что значение данного юридического действия в современном праве России необходимо переосмыслить. Единственным необходимым и достаточным основанием приобретения родительских прав должно быть признано рождение ребенка.

Актуальные проблемы практики: фиктивное установление отчества и уклонение от установления отчества

Анализ практики показал, что наибольшее количество проблем правового регулирования существует в сфере реализации норм о добровольном признании отчества.

Относительно новой для российской правоприменительной практики является проблема фиктивности в сфере установления отчества. В семейных правоотношениях такое негативное явление, как фиктивные состояния, встречается нередко. Ранее были известны фиктивные браки, заключаемые преимущественно с целью улучшить свое жилищное положение. С той же целью совершались фиктивные разводы или фиктивные разделы имущества, дающие бывшим супругам возможность формального прекращения общности имущества и участия в различных государственных программах получения жилья. Между тем в СК РФ отсутствует определение понятия фиктивности. Мы предлагаем определять фиктивность как совершение юридического действия без намерения достигнуть предполагаемой цели. De lege lata целью установления отчества, как представляется, должно быть получение юридических полномочий по воспитанию и содержанию своего ребенка. Следовательно, фиктивное установление отчества – это добровольное признание мужчиной своего отчества в отношении ребенка, с которым он не имеет биологической связи, без цели его воспитания и содержания. Оно получило распространение после ратификации Россией Европейской социальной хартии⁴. Во исполнение международных норм в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵ в п. 6.2 предусмотрена возможность получения разрешения на временное проживание мигранту, имеющему ребенка, состоящего в гражданстве Российской Федерации, без соответствующей квоты. Поскольку квоты предоставляются в ограниченном количестве, то, по данным российских миграционных служб, люди, желающие получить разрешение на временное проживание, научились использовать возможности российского семейного законодательства для обхода указанных ограничений. Мать ребенка за предоставленное согласие на установление отчества получает определен-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

² URL: <http://forum.garant.ru/?read,7,1079334> (дата обращения: 06.10.2016).

³ Семейный кодекс Республики Татарстан от 13 янв. 2009 г. № 4-ЗРТ // Республика Татарстан. 2009. № 8.

⁴ Европейская социальная хартия // Бюл. междунар. договоров. 2010. № 4. С. 17–67.

⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3032.

ное вознаграждение, тем самым формируется особое направление незаконного «заработка».

При совершении такого фиктивного юридического действия сам отец попадает в правовую «капкан» п. 2 ст. 52 СК РФ, согласно которому в дальнейшем по его инициативе не может быть исключена актовая запись об отцовстве, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка. Однако сохранение правовой связи ребенка с человеком, не являющимся его отцом и не имеющим намерение его воспитывать и содержать, полагаем, противоречит интересам самого ребенка. В свою очередь, оспаривание отцовства представителем ребенка нам представляется недостаточной мерой. Поскольку при фиктивном установлении отцовства происходит нарушение закона, требуется мера, предусматривающая как защиту интересов ребенка, так и ответственность виновных лиц. Для этого полагаем необходимым введение специальной нормы о недействительности фиктивного отцовства: «под фиктивным отцовством понимаются случаи добровольного признания отцовства лицом, не являющимся биологическим отцом ребенка одинокой матери, без цели содержания и воспитания ребенка». В данной формулировке не случайно отсутствует указание на административный порядок установления отцовства. Это может спровоцировать предприимчивых правонарушителей к установлению фиктивного отцовства в судебном порядке путем злоупотребления правом на признание иска. Правом обращения в суд с требованием о признании недействительным акта об установлении отцовства необходимо наделить прокурора, а также органы и организации, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей, и уполномоченного по правам ребенка. Последствием подтверждения фиктивности отцовства должно стать не просто аннулирование сведений об отце, но и удовлетворение требований о компенсации морального вреда ребенку. В рамках той же судебной процедуры необходимо вынести предупреждение матери о недопустимости злоупотребления родительским правом и решить вопрос о привлечении ее к административной ответственности в виде штрафа, размеры которого следует установить в законодательстве об административных правонарушениях. Кроме взыскания компенсации морального вреда, к работнику-мигранту, прибегнувшему к фиктивному установлению отцовства, следует применить меры в части последствий, предусмотренных миграционным законодательством в связи с утратой правовых оснований для временного проживания.

Примечательно, что проблема фиктивного отцовства является актуальной не только в России. Так, в Конституционном суде ФРГ правовую оценку получили факты признания отцовства гражданами, не являющимися биологическими отцами, в отношении детей-мигрантов, а также вопросы о допустимости инициирования проведения генетических тестов и оспаривания отцовства в этих случаях уполномоченными государственными органами. Ввиду необходимости защиты интересов ребенка, а также предотвращения ситуации, в которой он может утратить право на гражданство или вид на жительство, судом констатировано сохранение правовой связи даже при отсутствии семейно-социальных отношений между отцом *de jure* и ребенком¹.

В практике нередко добровольное признание отцовства в отношении ребенка одинокой матери используется мужчинами, чтобы избежать трудностей процедуры усыновления (к примеру, отчимом). При этом интересы ребенка могут быть нарушены, если таким образом право на его воспитание получит лицо, не имеющее право быть усыновителем, по ст. 127 СК РФ (например, человек, ранее лишенный родительских прав). Безусловно, такие обстоятельства должны явиться поводом к признанию недействительным добровольного установления отцовства. Однако СК РФ не только не запрещает признание отцовства лицом, не являющимся отцом ребенка, но даже учитывает это обстоятельство в п. 2 ст. 52 СК РФ. Следовательно, нарушений каких-либо конкретных требований законодательства об установлении отцовства в данном случае нет. Цели усыновления и установления отцовства совпадают, намерение создать соответствующие правовые последствия присутствует. Поэтому введение в сферу установления отцовства положений о фиктивности не окажется достаточной мерой. Мы предлагаем установить запрет на добровольное признание себя отцом человека, которому известно, что он не является биологическим отцом ребенка. Считаем, что для этого предназначен только институт усыновления. Тем самым появятся правовые основания признавать недействительными акты добровольного установления отцовства, если будет доказано, что они совершены лицами, уклоняющимися от процедуры усыновления.

Более давнюю историю имеют случаи уклонения от установления отцовства с целью

¹ *BVerfG*, Beschluss des Ersten Senats vom 17. Dezember 2013 – 1 BvL 6/10 – Rn. (1-116). URL: http://www.bverfg.de/e/ls20131217_1bvl000610.html (дата обращения: 08.10.2016).

получения льгот и имущественных выплат, гарантированных российским государством одиноким матерям. Нередко «одиноким» матери, дети и их отцы проживают совместно, фактически одной семьей. Очевидно, что в данных случаях имеет место злоупотребление правом на получение социальных гарантий. Однако в условиях действующего семейного законодательства практикой была выявлена опасность, требующая особого обсуждения. Так, в юридическую фирму «Дела семейные» г. Тюмени обратился гражданин И. с просьбой оказать содействие в защите его родительских прав. Он пояснил, что в течение нескольких лет они проживали с женой и их общими несовершеннолетними детьми, не регистрируя брак и не устанавливая отцовство. В мае 2015 г. гражданин И. был вынужден уехать в длительную командировку в отдаленные районы Крайнего Севера. По возвращении ему стало известно о смерти его супруги и передаче детей на усыновление в связи с утратой родительского попечения. Государственные органы и должностные лица отказались сообщить ему сведения об усыновителях со ссылкой на требования ст. 139 СК РФ о недопустимости разглашения тайны усыновления. Кроме того, доказательств в подтверждение того, что он является отцом усыновленных детей, гражданин И. не смог предъявить.

Представляется, что факты, свидетельствующие о необходимости отмены усыновления, налицо: наличие биологического отца, готового добросовестно исполнять свои родительские обязанности, с одной стороны; интерес детей в отцовском воспитании и короткий период усыновления, за который не могла возникнуть стойкая привязанность к усыновителям, с другой стороны. Однако в указанном примере до сих пор не удалось преодолеть юридические барьеры, связанные с тайной усыновления.

Мы делаем вывод, что должен быть разработан новый порядок приобретения родительских прав мужчинами в отношении внебрачных детей. Приведенные выше положения о равенстве мужчины и женщины в родительских правах позволяют предложить концепцию обязательного установления отцовства. Ни у кого не возникает сомнений в необходимости внесения сведений о матери при регистрации рождения ребенка (если речь не идет о найденном ребенке). В этой связи представляется неуместным говорить о нарушении чьих-либо интересов требованием об обязательном установлении отцовства. Бесспорно, что для этого должен быть выработан соответствующий правовой механизм. Введение нового порядка установления отцовства должно быть направлено на усиление

как правовой защиты внебрачных детей, так и правовых позиций отцов. Великий русский ученый Л. И. Петражицкий писал, что право оказывает неуклонное и сильное воспитательное действие на индивидуальную и массовую психику, укрепляя социально желательные привычки и склонности и искореняя противоположные элементы характера [11, с. 146]. По этой причине мы считаем, что позиции отца в российском обществе должны укрепляться путем усиления его родительской ответственности. В частности, предлагаем дополнить действующее российское законодательство об актах гражданского состояния нормой, позволяющей матери, не состоящей в браке, уведомлять органы ЗАГС о том, кто является отцом ребенка. Следует закрепить обязанность органов ЗАГС уведомлять соответствующего человека о факте указания его в качестве отца ребенка. При этом для соблюдения баланса интересов необходимо установить срок, в который человек, указанный матерью в качестве отца ребенка, может оспорить свое отцовство в судебном порядке. Благодаря такой процедуре происхождение ребенка от отца будет установлено во всех случаях рождения детей. Тем самым будут в максимальной степени созданы условия осуществления и защиты права ребенка знать своих родителей. Наконец, такое законодательное решение исключит вышеуказанные случаи нарушения родительских прав отцов.

Особенности установления отцовства при искусственной репродукции человека

В России вопросы вспомогательной репродукции впервые были урегулированы в 1990 г. В ст. 17 Основ Союза ССР и союзных республик о браке и семье было введено дополнение, согласно которому муж, давший согласие на искусственное оплодотворение своей жены с помощью донора, записывается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать произведенную запись¹.

Буквальное толкование норм действующего семейного законодательства позволяет утверждать, что применение данных методов допускается только в отношении лиц, состоящих в браке (п. 4 ст. 51 СК РФ). Многие ученые полагают, что ст. 51 СК РФ необоснованно ущемляет репродуктивные права одиноких женщин. Однако позиция об участии одиноких мужчин в программах суррогатного материнства, как правило, не поддерживается. Как отмечает

¹ *Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье: закон СССР от 27 июня 1968 г. № 2834-VII // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27, ст. 241.*

Е. В. Стеблева, такое положение вступит в противоречие с назначением суррогатного материнства – преодоление бесплодия женщины, не способной по медицинским показаниям выносить и родить ребенка [10, с. 14]. Таким образом, в искусственной репродукции мужчина может участвовать только в статусе супруга или в качестве донора.

Какой бы ни была программа искусственной репродукции (искусственное оплодотворение, экстракорпоральное оплодотворение и т. д.), специфика участия мужчины в применении вспомогательных репродуктивных технологий заключается в том, что после сдачи биологического материала в дальнейших манипуляциях он не участвует. Мужчина совсем не участвует в медицинских манипуляциях, если оплодотворение осуществляется с помощью донорского генетического материала. Интересы мужчины, как и его супруги, зависят от добросовестности и профессионализма действий сотрудников медицинской организации, организующей применение методов ВРТ. Как показывает практика, интересы мужчины в таких случаях зависят и от добросовестности действий его супруги. В деятельности медицинского центра г. Тюмени при осуществлении процедуры экстракорпорального оплодотворения имел место случай подмены женщиной биологического материала своего мужа на другой, взятый заблаговременно для этих целей. Если бы такая процедура закончилась рождением ребенка, то возникла бы сложная с точки зрения этики и права проблема: по документам родительские права принадлежали бы мужу, давшему согласие на применение метода искусственной репродукции своей супруге. Отцовство другого лица, чей биологический материал был фактически использован, возникло бы помимо его воли и юридического оформления. Установление вины женщины, осуществившей подмену, само по себе не решало бы ничего в судьбе рожденного путем такой «ошибки» человека.

Такие примеры мотивируют к более внимательному отношению со стороны законодателя к самой процедуре применения методов ВРТ, в которой на сегодняшний день существует много неясностей. Так, например, в результате успешного оплодотворения вне организма женщины нескольких клеток будет решаться вопрос о том, сколько из них должно быть перенесено в организм женщины и какова судьба остальных. Как известно, клетки могут быть или заморожены, или уничтожены. Ни в одном действующем законодательном акте не прописана форма участия мужчины при решении этого вопроса.

В зарубежной практике резонанс получили ситуации, связанные с притязаниями биологических отцов, которые являлись неанонимными донорами гамет, использованных для зачатия одинокими женщинами или гомосексуальными парами (в том числе самостоятельно, без обращения в специализированные медицинские учреждения), на общение с ребенком, на реализацию родительских прав и установление правового статуса [12, 15]. Равным образом возникли и противоположные ситуации, когда при изменении жизненных обстоятельств мать ребенка, отказавшаяся изначально от каких-либо притязаний к неанонимному донору, инициировала установление его родительских обязанностей в судебном порядке.

В Российской Федерации такой вид донорства является допустимым и его также зачастую выбирают женщины, не состоящие в браке. При этом сопутствующие риски и конфликты интересов пока не урегулированы в законодательстве. Представляется, что ребенку, рожденному от неанонимного донора, необходимо гарантировать возможность получить информацию о своем биологическом отце, например, по достижении совершеннолетия независимо от согласия матери или ранее с ее согласия. Это принципиально важно для его самоидентификации и позволит реализовать право знать своих родителей (ст. 7 Конвенции ООН о правах ребенка).

Неанонимный донор может претендовать на то, чтобы его отцовство было установлено, в том числе и при отсутствии согласия матери ребенка, и ст. 48 СК РФ не содержит каких-либо исключений применительно к данной ситуации. Нельзя не согласиться с тем, что право знать свое потомство для мужчины неразрывно связано с его самоопределением и по природе относится к числу естественных личных прав. Однако не менее важно, чтобы притязания биологического отца-донора не нарушали интересов ребенка и не влекли необоснованного вмешательства в частную и семейную жизнь.

Одним из решений данной проблемы в иностранной практике стало признание юридической силы за соглашениями мужчины-донора и женщины-реципиента или пары, определяющими их взаимные права и обязанности на случай рождения ребенка. Полагаем, что этот опыт может быть принят во внимание при совершенствовании российского законодательства.

Особое значение имеет вопрос о постмортальном отцовстве. Уточним, что под этим термином понимается зачатие ребенка с использованием гамет, а также имплантация эмбрионов непосредственно перед смертью или в любое

время после смерти мужчины. Отметим, что в иностранном законодательстве и практике отношение к возможностям применения ВРТ post mortem крайне неоднозначное: от разрешения до полного запрета. При выборе модели правового регулирования особое внимание уделяется вопросу защиты благополучия ребенка, так как не исключено, что его рождение без воли умершего родителя может негативно сказаться на развитии личности. Кроме того, принципиальным признается положение о защите личности донора гамет, поскольку это напрямую касается его неотъемлемых прав и самосознания в вопросах продолжения рода, имеет психосоциальные последствия для детей.

В российском законодательстве эти вопросы прямого регулирования пока не получили. Вместе с тем зачатие ребенка с использованием гамет уже умершего мужчины может произойти в следующих случаях. Во-первых, если мужчина, вступивший в программу искусственной репродукции со своей супругой, погибает после этапа взятия его генетического материала. При наличии заранее данного согласия на использование материала и применение программ ВРТ супругой, волеизъявление на продолжение рода является очевидным, факт зачатия ребенка именно от этого лица (биологическое отцовство) достоверен. Однако препятствием к его записи в качестве отца ребенка на основании презумпции отцовства является срок, который будет превышать установленные в СК РФ с учетом естественного зачатия ребенка в браке 300 дней. Таким образом, видится целесообразным снятие ограничения данного срока для случаев участия супругов в программе искусственной репродукции человека. Это положение может быть прописано в п. 2 ст. 48 СК РФ в дополнение к правилам применения презумпции отцовства супруга матери: «...А также, если ребенок был зачат и родился после смерти супруга матери, давшего согласие на применение методов искусственной репродукции, с использованием его половых клеток».

Также возможны ситуации использования в программах ВРТ материала донора, уже умершего к этому моменту. Поскольку в большинстве случаев личность донора мужской гаметы является анонимной, рождение ребенка после смерти донора юридически безразлично. Надо полагать, что сведения о наличии его в живых к моменту осуществления манипуляции, по общему правилу, не уточняются. Однако целесообразно законодательно предусмотреть такую возможность по запросу женщины, принимающей решение об использовании конкретного донорского материала.

Во-вторых, если мужчина использует криоконсервацию своих гамет, то после его смерти должен возникнуть вопрос о распоряжении этими гаметами. В большинстве государств решающим обстоятельством признается прямая воля лица, сдавшего свой генетический материал для хранения, о сроках хранения, целях использования и уполномоченных на это лицах. Разделяя такой подход, мы считаем закономерным вывод о необходимости обеспечить выяснение воли мужчины на этапе сдачи генетического материала. Для этого следует закрепить соответствующее требование для медицинской организации, принимающей материал на хранение, в законодательстве об охране здоровья граждан. Учитывая, что существующие технологии позволяют хранить генетический материал без ухудшения его свойств в течение длительного периода времени, полагаем, что в скором времени может возникнуть вопрос о юридическом ограничении срока, в течение которого допускается использование законсервированных гамет для зачатия ребенка. Оптимальный срок должен быть выработан в процессе дискуссий об этических аспектах вопроса. С нашей точки зрения, при зачатии необходимо соблюдать естественный срок смены поколений, чтобы не допустить рождение ребенка лицами, которые никогда не смогли бы встретиться с учетом ограниченного срока жизни человека.

В-третьих, постмортальная репродукция имеет место, если происходит изъятие генетического материала после констатации смерти. Впервые информация о такой возможности была опубликована в 1980 г. Первый ребенок, зачатый посредством данного метода, родился в 1999 г. В России постмортальная программа ВРТ, когда биологический материал был получен после смерти родителя, была успешно проведена в 2003–2006 гг. в Екатеринбурге [9, с. 40–41]. Не исключены также ситуации извлечения материала у мужчины, находящегося в коме, постоянном вегетативном состоянии или при смерти мозга, и его использования в дальнейшем в репродукции [13, р. 171].

Применительно к указанным случаям также представляется справедливым мнение о решающем значении воли, выраженной мужчиной на этот счет при жизни. Однако при этом заслуживают внимания вопросы постмортального изъятия гамет при внезапной гибели лица, не успевшего выразить свои намерения. Такую возможность некоторые ученые предлагают юридически обеспечить в отношении весьма широкого круга людей – всех людей детородного возраста, погибших при чрезвычайных обстоятельствах [9, с. 41]. По-прежнему руководствуясь

естественно-правовой природой отношений родителей и детей, предлагаем при решении данного вопроса исходить из воли пережившей супруги. Возможность использования таких гамет следует предоставить только ей с последующей записью ее в качестве матери ребенка, но не другим родственникам. Целью такого допущения со стороны законодателя будет защита репродуктивных прав женщины, состоявшей в браке с погибшим, что соответствует также целям ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

Полагаем, что на сегодняшний день следует придерживаться назначения методов искусственной репродукции как способа преодоления бесплодия, максимально сохраняя естественный порядок вещей. По нашему мнению, сознание людей и состояние современных правовых систем еще не готово к фантастическим вариантам развития событий в части применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Заключение

Обстоятельством, необходимым и достаточным для приобретения родителями прав и обязанностей, является рождение ребенка. Семейное законодательство России нуждается в дополнении нормой, предусматривающей приобретение родительских прав и обязанностей как матерью, так и отцом одновременно с момента рождения ребенка. При этом в СК РФ целесообразно прямо указать, что регистрация рождения ребенка носит удостоверяющий характер и является обязанностью родителей. Также следует отразить в СК РФ новый подход в понимании значения установления отцовства. Оно заключается не в приобретении родительских прав и обязанностей, а в обеспечении наилучших условий для их защиты. В связи с тем что существующий порядок установления отцовства в отношении внебрачного ребенка несовершенно (допускает нарушения принципа равенства матери и отца и приводит к проблемам в правоприменительной практике), считаем целесообразным установить в СК РФ новую процедуру.

В рамках предложенных нами преобразований предполагается запрет добровольного признания отцовства путем обращения в орган ЗАГС человеком, которому известно, что он не является биологическим отцом ребенка. Приобретение родительских прав в таких случаях должно происходить в порядке усыновления. Судебная процедура усыновления позволит

исключить случаи приобретения родительских прав в нарушение интересов детей. Предложенное положение будет правовой основой для признания недействительным факта установления отцовства, если оно все же состоялось в нарушение интересов ребенка (например, если заявитель сообщил, что считает себя отцом ребенка).

Также нами предложено ввести в семейное законодательство России положение о фиктивном установлении отцовства без цели воспитания и содержания ребенка. Необходимо закрепить юридические последствия признания недействительным фиктивного установления отцовства, обеспечить возможность взыскания компенсации морального вреда ребенку и применения предложенных нами норм об ответственности виновных лиц.

В качестве особого направления законодательных изменений нами определены отношения, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий. Нами сформулированы конкретные вопросы установления отцовства, требующие правового решения, и предложены рекомендации.

Представляется, что положения закона, формирующие бережное и ответственное отношение мужчин к приобретению родительских прав, станут первыми правовыми этапами преодоления кризиса семьи и семейных ценностей в современной действительности.

Библиографический список

1. *Асланов Х. Г.* Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
2. *Бутаев М. В.* Проблема отцовства в социальной философии: автореф. дисс ... канд. филос. наук. Саратов, 2013. 18 с.
3. *Гаврилюк Е. Д.* К вопросу о целесообразности принудительного установления отцовства // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, Казан. (Приволжский) федер. ун-т, 18 дек. 2010 г.) / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. С. 20–23.
4. *Мареева Н. С.* Социальная трансформация отношений отца и сына в европейской истории: дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 23 с.
5. *Матвеева Н. А.* Презумпция отцовства и проблемы ее опровержения // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 39–41.
6. *Пергамент А. И.* Правовое положение внебрачных детей должно быть изменено // Со-

¹ О защите прав человека и основных свобод: Конвенция 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

- ветское государство и право. 1956. № 9. С. 65–72.
7. Полянина А. К. Факт беременности как основание возникновения родительских обязанностей // Семейное и жилищное право. 2012. № 1. С. 9–11.
 8. Рабец А. М. Право ребенка на выживание и здоровое развитие и его реализация в законодательстве Российской Федерации // Семейное право на рубеже XX–XI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, Казан. (Приволжский) федер. ун-т, 18 дек. 2010 г.) / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. С. 221–229.
 9. Свитнев К. Н. Правовые и этические аспекты посмертной репродукции // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 6 С. 30–43.
 10. Стеблева Е. В. Проблема реализация прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.
 11. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб., 1909. Т. 1. 768 с.
 12. Barnes B. Does «Sperm Donor» Mean «Dad»? // ST1 New York Times. 2014. May 2. URL: http://www.nytimes.com/2014/05/04/fashion/Jason-Patric-Does-Sperm-Donor-Mean-Dad-parental-rights.html?_r=1 (дата обращения: 08.10.2016).
 13. Conway H. The Law and the Dead. Routledge; New York, 2016. 261 p.
 14. Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child // Martinus Nijhoff Publishers Hague, 1999. 790 p.
 15. Hough A., Bingham J. Sperm Donors Can Seek More Parental Rights // The Telegraph. 2013. Feb. 01. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/9841207/Sperm-donors-can-seek-more-parental-rights.html> (дата обращения: 08.10.2016).
 16. Jung M. Bundesverfassungsgericht: Vaterschaftstest Kann nur Innerhalb der Familie Erzwungen Werden. URL: <http://www.vaterschaftsanalyse.de/de/info/aktuelles/bundesverfassungsgericht-vaterschaftstest-kann-nur-innerhalb-der-familie-erzwungen-werden/> (дата обращения: 08.10.2016).
 17. Kindregan Ch. P., McBrien M. Assisted Reproductive Technology: A Lawyer's Guide to Emerging Law and Science // American Bar Association, 2006. 336 p.
 18. Pauli E. E. Der Sogenannte Biologische Vater: Ein Vergleich der Französischen Und Deutschen Rechtsentwicklung // Rechtsvergleichung und Rechtsvereinheitlichung 35. 2016. XXI. 189 S.
 19. Rothman C. M. A Method for Obtaining Viable Sperm in the Postmortem State // Fertility and Sterility, Nov. 1980. Vol. 34. Iss. 5. P. 512.
 20. Spielman B. Posthumous Reproduction: Ethical and Legal Perspectives // Ethical Dilemmas in Assisted Reproductive Technologies / ed. by G. Joseph Berlin; Boston, 2011. Pp. 289–296.
 21. Strong C., Gingrich J. R., Kutteh W. H. Ethics of Postmortem Sperm Retrieval: Ethics of Sperm Retrieval after Death or Persistent Vegetative State // Human Reproduction. 2000. Apr. 15(4). Pp. 739–745.
 22. Süß B. Die Feststellung der Vaterschaft unabhängig von Anfechtungsverfahren: das Neue Abstammungsrecht unter besonderer Berücksichtigung der Perspektive der Väter. Peter Lang, Frankfurt am Mein, 2010. 166 S.
 23. Velte G. Die Postmortale Befruchtung im Deutschen und Spanischen Recht. Springer-Verlag. Berlin Heidelberg, 2015. 303 S. DOI 10.1007/978-3-662-44554-9.

References

1. Aslanov Kh. G. *Obespechenie interesov ottsa v roditel'skikh pravootnosheniyakh po semeynomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis ... kand. jurid. nauk* [Ensuring the Father's Interests in Parental Legal Relationships under the Family Legislation of the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 29 p. (In Russ.).
2. Butaev M. V. *Problema ottsovstva v sotsial'noy filosofii: avtoref. dis ... kand. filosof. nauk* [The Paternity Problem in Social Philosophy: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2013. 18 p. (In Russ.).
3. Gavrilyuk E. D. *K voprosu o tselesoobraznosti prinuditel'nogo ustanovleniya ottsovstva; otv. red. O. N. Nizamieva* [On the Question of the Advisability of the Compulsory Establishment of Paternity; ed. by O. N. Nizamieva]. *Semeynoe pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu Konvencii OON o pravakh rebenka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 18 dek. 2010 g.* – Family Law at the Turn of the 20th – 21st centuries: to the 20th anniversary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. Proceedings of the International scientific and practical conference, December 18, 2010. Moscow. 2011. Pp. 20–23. (In Russ.).
4. Mareeva N. S. *Sotsial'naya transformatsiya otnosheniy ottsa i syna v evropeyskoy istorii: dis. ... kand. filosof. nauk* [The Social Transformation of the Father-Son Relationship in Eu-

- ropean History: Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2010. 23 p. (In Russ.).
5. *Matveeva N. A. Presumptsiya otsovstva i problema ee oproverzheniya* [Presumption of Paternity and Problems of its Rebuttal]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2014. Issue 4. Pp. 39–41. (In Russ.).
 6. *Pergament A. I. Pravovoe polozhenie vnebrachnykh detey dolzhno byt' izmeneno* [The Legal Status of Children Born Out of Wedlock Should Be Changed]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1956. Issue 9. Pp. 65–72. (In Russ.).
 7. *Polyanina A.K. Fakt beremennosti kak osnovanie vozniknoveniya roditel'skikh obyazannostey* [The Fact of Pregnancy as a Ground for Parental Duties Incurrence]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2012. Issue 1. Pp. 9–11. (In Russ.).
 8. *Rabets A. M. Pravo rebenka na vyzhivanie i zdorovoe razvitie i ego realizatsiya v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii* [The Child's Right to Survival and Development, and its Implementation in the Law of the Russian Federation; ed. by O. N. Nizamieva]. *Semeynoe pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu Konvencii OON o pravakh rebenka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 18 dek. 2010 g.* – Family Law at the Turn of the 20th–21st centuries: to the 20th anniversary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. Proceedings of the International scientific and practical conference, December 18, 2010. Moscow, 2011. Pp. 221–229. (In Russ.).
 9. *Svitnev K. N. Pravovye i eticheskie aspekty posmertnoy reproduksii* [Legal and Ethical Aspects of Posthumous Reproduction]. *Pravovye voprosy v zdravookhraneni* – Legal Issues in Healthcare. 2011. Issue 6. Pp 30–43. (In Russ.).
 10. *Stebleva E. V. Problemy realizatsii prav uchastnikov otnosheniy surrogatnogo materinstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of realization of the rights of participants of surrogate motherhood relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2012. 18 p. (In Russ.).
 11. *Petrzhitskiy L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nrvstvonnosti: v 2 t.* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality: in 2 vols.]. St. Petersburg, 1909. Vol. 1. 768 p. (In Russ.).
 12. *Barnes B.* Does «Sperm Donor» Mean «Dad»? ST1 New York Times. 2014. May 2. Available at: <http://www.nytimes.com/2014/05/04/fashion/>
 - Jason-Patric-Does-Sperm-Donor-Mean-Dad-parental-rights.html?_r=1 (accessed 08.10.2016). (In Eng.).
 13. *Conway H.* The Law and the Dead. Routledge. New York, 2016. 261 p. (In Eng.).
 14. *Detrick S.* A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. Martinus Nijhoff Publishers Hague, 1999. 790 p. (In Eng.).
 15. *Hough A., Bingham J.* Sperm Donors Can Seek More Parental Rights. The Telegraph. 2013. Feb. 01. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/9841207/Sperm-donors-can-seek-more-parental-rights.html> (accessed 08.10.2016). (In Eng.).
 16. *Jung M.* Bundesverfassungsgericht: Vaterschaftstest Kann nur Innerhalb der Familie Erzwungen Werden. Available at: <http://www.vaterschaftsanalyse.de/de/info/aktuelles/bundesverfassungsgericht-vaterschaftstest-kann-nur-innerhalb-der-familie-erzwungen-werden/> (accessed 08.10.2016). (In Ger.).
 17. *Kindregan Ch. P., McBrien M.* Assisted Reproductive Technology: A Lawyer's Guide to Emerging Law and Science. American Bar Association, 2006. 336 p. (In Eng.).
 18. *Pauli E. E.* Der Sogenannte Biologische Vater: Ein Vergleich der Französischen Und Deutschen Rechtsentwicklung. Rechtsvergleichung und Rechtsvereinheitlichung 35. 2016. XXI. 189 p. (In Eng.).
 19. *Rothman C.M.* A Method for Obtaining Viable Sperm in the Postmortem State. Fertility and Sterility. Vol. 34. Issue 5. Nov. 1980. P. 512. (In Eng.).
 20. *Spielman B.* Posthumous Reproduction: Ethical and Legal Perspectives. Ethical Dilemmas in Assisted Reproductive Technologies; ed. by Joseph G. Berlin/Boston, 2011. Pp. 289–296. (In Eng.).
 21. *Strong C., Gingrich J. R., Kutteh W. H.* Ethics of Postmortem Sperm Retrieval: Ethics of Sperm Retrieval after Death or Persistent Vegetative State. Human Reproduction. 2000. Apr. 15(4). Pp. 739–745. (In Eng.).
 22. *Süß B.* Die Feststellung der Vaterschaft unabhängig von Anfechtungsverfahren: das Neue Abstammungsrecht unter besonderer Berücksichtigung der Perspektive der Väter. Peter Lang, Frankfurt am Mein, 2010. 166 p. (In Ger.).
 23. *Velte G.* Die Postmortale Befruchtung im Deutschen und Spanischen Recht. Springer-Verlag. Berlin Heidelberg, 2015. 303 p. DOI 10.1007/978-3-662-44554-9. (In Ger.).